

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. В.И. АБАЕВА ВНЦ РАН
И ПРАВИТЕЛЬСТВА РСО-АЛАНИЯ

НАРТОВЕДЕНИЕ В XXI ВЕКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Сборник научных трудов

Владикавказ 2012

З.Д. Джапуа
(Сухум)

**АБХАЗСКИЕ НАРТСКИЕ СКАЗАНИЯ О САСРЫКУА
В СООТНОШЕНИИ С ИХ СЕВЕРОКАВКАЗСКИМИ ВЕРСИЯМИ
(Некоторые предварительные итоги сравнительного
указателя сюжетов)**

На сходные образы, сюжеты и мотивы в разных версиях кавказской Нартиады так или иначе указывали почти все исследователи-нартоведы. Но более подробно об этом писали: Е. М. Мелетинский [1, 74-21; 2, 156-206], А. И. Алиева [3; 4, 39-48], Ш. Д. Инал-ипа [5, 30-68], Ю. С. Гаглойти [6, 57-71; 7; 8, 5-37], У. Б. Далгат [9], А. Х. Бязыров [10, 43-71], А. З. Холаев [11], Ш. Х. Салакая [12], Ж. Дюмезиль [13; 14], А. А. Аншба [15, 65-117], В. Г. Ардзинба [16, 128-168], Ю. А. Дзиццойты [17], З. К. Ханаева [18, 229-244], А. М. Гадагатль [19]. Для углубленного анализа и освоения разных национальных версий нартского эпоса необходимо, прежде всего, выявить конкретно специфику сюжетно-тематического сходства и несходства с учетом всего комплекса наличного материала. Как справедливо пишет А. А. Петросян, «исторические корни, объединяющие нартские сказания всех национальных версий, надо искать в основных факторах кавказской общности, таких как: генетическое родство народов Кавказа; роль единого кавказского субстрата; сходные условия материального общественного существования и тесное духовное общение между этими народами в течение длительного исторического времени» [20, 8]. Ведь, естественно, героико-архаический нартский эпос, как и другие эпические памятники, меняется исторически, но при этом сохраняет устойчивые «инвариантные» повествовательные константы.

В этом отношении особый интерес представляет составление сюжетно-тематических, сравнительных и иных указателей разных версий эпоса. Этим и обусловлена предпринятая мною попытка составления сравнительного указателя сходных

сюжетно-тематических единиц нартского эпоса на основе абхазских, абазинских, адыгских, осетинских, балкаро-карачаевских и чечено-ингушских сказаний о Сасрыкуа (Сосруко/Сослане/Сосуруке/Соска Солсе) – основного героя абхазского, абазинского, адыгского, чечено-ингушского эпоса и одного из главных персонажей осетинского и балкаро-карачаевского эпоса.

По определению нартоведов, Сасрыкуа представляет собой «весьма архаический тип эпического героя, генетически восходящий к культурному герою» [2, 183], также он «самый значительный и самый популярный на всем Северном Кавказе» [14, 72]. Следовательно, сказания об этом герое относятся к самому раннему пласту эпической архаики. Они характеризуются большей сохранностью эпичности, монументальностью, четкостью и сжатостью композиционной структуры, меньшей иножанровой проницаемостью. Если и имеются иножанровые включения, то их преимущественно следует относить к начальному этапу естественного взаимопроникновения различных форм устной традиции.

Следует сказать, что данные мои изыскания в определенном смысле продолжают начатую мною ранее работу [21, 218-237; 22, 115-126; 24, 246-266; 25, 83-88; 26, 7-87], но уже они имеют своей целью выявление сюжетного состава кавказских нартских сказаний о Сасрыкуа, эпической общности, на этой основе – восстановление общекавказского нартского репертуара.

Материалом для настоящей работы послужили, с одной стороны, тексты почти всей сохранившейся коллекции абхазского нартского эпоса [27], и, с другой стороны, абазинские сказания, опубликованные в двуязычном издании [28], адыгские, осетинские и балкаро-карачаевские сказания, изданные в серии «Эпос народов Евразии» [29; 30; 31], чечено-ингушские сказания, опубликованные в книге У. Б. Далгат [9] и в IV томе «Антологии ингушского фольклора» [32]. Таким образом, приходится по необходимости ограничиваться исключительно доступными репрезентативными материалами. Следовательно, и данная раскладка сюжетно значимых единиц повествования,

сходных в сравниваемых версиях эпоса, разумеется, отнюдь не полностью охватывает всего текстового материала, ее следует рассматривать как своеобразный подступ к выявлению сюжетно-тематического состава кавказского нартского эпоса. Однако и этот контрольный текстологический анализ позволяет сделать весьма интересные выводы.

Сравнительный указатель сходных сюжетов, связанных с образом Сасрыкуа (Сосруко/Сослана/Сосурука/Соска Солса), во всех сравниваемых шести версиях нартского эпоса (абхазской, абазинской, адыгской, осетинской, балкаро-карачевской и чечено-ингушской) выявляет 15 сюжетных констант, обладающих разной степенью сходства.

Предлагаемая схема сюжетных параллелей показывает, что выделенные сюжеты не одинаково популярны в разных версиях эпоса. Так, сюжеты о чудесном рождении героя из камня (1), о встрече с великаном-мертвецом (5) и о гибели героя (13) встречаются во всех сопоставляемых версиях эпоса. Для пяти версий характерны сюжеты о нахождении и укрощении богатырского коня (2), об изготовлении меча из необычного железа (3), о добывании огня (4), для четырех версий – о встрече с великаном-пахарем (7), о встрече с великаном-всадником (8), о посещении потустороннего мира в поисках своей жены (9), об оживлении жены/суженой (11), об освещении пути героя (12), для трех версий – о посещении подземного мира (6), о поминках по герою (15), для двух версий – о случайном убийстве своего сына (10), об отправлении героя в потусторонний мир (14).

Схема сюжетных параллелей

		абх.	абаз.	адыгск.	осет.	балк-карач.	чечено-инг.
1.	Чудесное рождение героя из камня	+	+	+	+	+	+

2.	Нахождение и укрощение богатырского коня	+	+	+	+	+	–
3.	Изготовление меча из необычного железа	+	+	+	+	+	–
4.	Добывание огня	+	+	+	+	+	–
5.	Встреча со слепым великаном-мертвецом	+	+	+	+	+	+
6.	Посещение подземного мира	+	–	–	+	+	–
7.	Встреча с великаном-пахарем	+	+	–	+	–	+
8.	Встреча с великаном-всадником	+	+	+	+	–	–
9.	Посещение потустороннего мира в поисках своей жены	+	+	+	+	–	–
10.	Случайное убийство своего сына	+	–	–	+	–	–
11.	Оживление жены/суженой	+	–	+	+	–	+
12.	Освещение пути героя	+	+	+	–	+	–
13.	Гибель героя	+	+	+	+	+	+

14.	Герой от- правляет- ся/не от- правляется в потусто- ронний мир	+	-	-	+	-	-
15.	Поминки по герою	+	-	+	-	+	-

Таким образом, из перечня сходных сюжетов видно, во-первых, какой сюжетно-мотивный состав характерен для того или иного этноса; во-вторых, каково соотношение сюжетов разных национальных версий нартского эпоса. Такие аналитические данные могут подводить нас к более сложным вопросам, связанных, в частности, с кавказской эпической общностью и самостоятельным развитием эпических систем, со сюжетной структурой нартского эпоса в его разных национальных версиях, с генетическими истоками эпоса, с сотворчеством народов, располагающих нартским эпосом, с корнями их эпических традиций, с преемственной связью, с единством закономерностей эпосотворческого процесса и т.п.

Пока что рассмотренные и систематизированные абхазские нартские сказания о Сасрыкуа в соотношении с их северокавказскими версиями позволяют высказать некоторые общие соображения относительно степени и специфики сходства и несходства нартских сказаний об одном и том же герое, встречающихся у разных родственных и неродственных народов Кавказа.

1. Из абхазских, абазинских и адыгских нартских сказаний о Сасрыкуа/Сосруко выявились 12 сходных сюжетных единиц (1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 13, 15). В этих версиях эпоса сказания данного цикла отличаются высокой степенью сходства, как в плане содержания, так и в плане выражения. Среди них – по степени исконности, «эпичности», распространенности, устойчивости и полноты художественных образов – можно выделить три тесно взаимосвязанных сюжетно-тематических констант: чудесное рождение героя из камня (1), добывание огня (4), гибель героя (13). Сопоставление вариантов этих стержневых сказаний, их мотивов и эпизодов в разных версиях кавказской Нартиады показыва-

ло, что данная триада сюжетов является остовом всей тематики эпоса и выглядит наиболее полной, художественно насыщенной именно в абхазо-абазинско-адыгских версиях нартского эпоса. Тем самым, еще больше аргументаций и подтверждений находит мнение о том, что абхазские, абазинские и адыгские нартские сказания «обнаруживают такую близость, что их можно (с известными оговорками) объединить в одну группу» [2, 204]. В определенном смысле они могут восприниматься как варианты одних национальных сказаний или даже как одновременные записи от одного и того же сказителя (прасказителя) [23, 117]. Установлено, что «адыгский и абхазский фольклор более архаичен, там в центре стоит цикл Сосруко, в котором ярко отражены матриархальные пережитки и проявляются черты доклассового эпического творчества» [2, 166].

В этой связи следует отметить, что абхазские, абазинские и адыгские нартские сказания о других героях и образах не отличаются такой степенью сходства и композиционной сжатостью. С одной стороны, они выступают эволюционно производным от архаического первоначального ядра (сказания о Сасрыкуа/Сосруко), как «повторение», трансформация раннего пласта эпоса. А с другой стороны, они являются результатом композиционной развернутости, иногда малоестественного усложнения, разрастания за счет иножанровых контаминаций и т.д. Здесь налицо диффузный характер эпического повествования. В ряде текстов сюжетно-повествовательные звенья переплетаются настолько тесно, что сказания о разных героях становятся почти однородными. Одни и те же мотивы очень часто сливаются, переиначиваются и встречаются в различных повествовательных позициях, связанных с межэтническими эпическими влияниями, в частности, с сармато-аланскими. Как справедливо подчеркивает Ш. Х. Салакая, «восприняв первоначальное ядро, сармато-аланы сами проявили необычайную творческую активность в дальнейшем развитии эпоса. Многие сюжеты и образы относительно позднего происхождения, особенно из цикла Батрадза, в адыгском и абхазском эпосе заимствованы уже из осетинского (вернее, из сармато-аланского)» [12, 80].

Эта картина очень характерна и сопоставима с данными других наук. Так, установлено, что предки абхазо-адыгов в глубокой древности составляли одну этническую общность – пранарод, в среде которого и зародилось древнейшее ядро нартского эпоса [12, 77]. А в результате дальнейшего распада этой общности образовались древнеабхазский и древнеадыгский этносы [33, 17-25; 34, 122-145; 35, 5-12; 36, 180-194]. Отсюда представляется правомерным полагать, что в пору распада праабхазо-адыгской общности наши предки все еще располагали относительно единым, общим «эпическим репертуаром». Выделенные сказания о Сасрыкуа/Сосруко составляют первоначальное ядро эпоса и восходят к древней эпохе, когда предки абхазо-адыгов составляли одну этническую общность с одним языком (праязыком) и общей территорией (прародиной), а более поздние сказания в основном соотносимы с дифференциацией древней абхазо-адыгской общности на самостоятельные этносы с последующим их самобытным развитием [23].

2. Из абхазских и осетинских нартских сказаний о Сасрыкуа/Сослане выявились 13 сходных сюжетов (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14). Между абхазскими и осетинскими сказаниями особую близость обнаруживают следующие сюжеты: изготовление меча из необычного железа (3), встреча со слепым великаном-мертвецом (5), встреча с великаном-пахарем (7), встреча с великаном-всадником (8), посещение потустороннего мира в поисках своей жены (9), случайное убийство своего сына (10), оживление жены/суженой (11), гибель героя (13), герой отправляется/не отправляется в потусторонний мир (14). Часть выделенных сюжетов (5, 7, 9, 11, 14) сохраняет иножанровое (сказочно-мифологическое) начало. Эти сказания бытуют отдельно и в сказочном репертуаре абхазов и осетин, что может свидетельствовать об их несобственно эпической природе, хотя некоторые из них довольно устойчиво вошли в сюжетную тематику нартского эпоса. Примечательно и то, что в сказаниях этих часто меняется основной персонаж (особенно в осетинской версии эпоса), одни и те же сюжеты прикрепляются к разным героям. Так, сюжет о встрече со слепым великаном-мертвецом (5) в осетинской версии связан

то с Сосланом/Созырыко, то с Батразом, а сюжет об оживлении жены/суженой (11) – то с Сосланом, то с Хамидом. Кроме того, из этой группы абхазо-осетинских сходных сюжетов сказание об изготовлении меча из необычного железа (3) в одних осетинских вариантах относится к Урызмагу, а в других – к Ахсару, а сюжет о случайном убийстве своего сына (10) в осетинской версии устойчиво относится к Урызмагу, а в абхазской – к разным персонажам (к Сасыркуа, Хныщу, Нарту Жакъе Ххуцу, Татращу). Из названных сюжетов два сказания – о случайном убийстве своего сына (10) и об отправлении героя в потусторонний мир (14) – встречаются только в абхазской и осетинской версиях нартского эпоса.

Из сопоставительного анализа видно, что выделенная группа наиболее близких абхазских и осетинских сказаний является не самым основным и собственно эпическим составляющим цикла сказаний о Сасыркуа/Сослане. Тем более, что некоторые из них (3, 5, 10, 11) в осетинском эпосе принадлежат другим эпическим персонажам или не сохраняются за одними и теми же героями. Говорить о формировании сказаний со сказочной основой только на аланской (осетинской) или абхазской почве, на мой взгляд, не корректно, поскольку эти сюжеты в своем большинстве носят универсальный характер. Но что касается остальных сюжетов (3, 8, 10), то здесь, вероятнее всего, присутствуют осетинские корни.

Из обозначенных в указателе абхазо-осетинских нартских параллелей более слабой, иногда несколько эпизодической близостью отличается другая группа сюжетов: чудесное рождение героя из камня (1), нахождение и укрощение богатырского коня (2), добывание огня (4), посещение подземного мира (6), гибель героя (13). Один из этих сюжетов (6) имеет сказочно-мифологическую основу, восходит к мотиву змееборства (АТ 300). Выделенная группа менее сходных абхазских и осетинских сказаний является самым основным, собственно эпическим составляющим цикла сказаний о Сасыркуа/Сослане. Характерно, что в абхазской версии эти центральные сюжетные линии постоянно связаны с образом основного героя эпоса Сасыркуа и не прикрепляются ни к одному другому персонажу. В осетинской версии, напротив, почти все названные сюжеты приписываются как Сослану/Созыры-

ко, так и другим персонажам: чудесное рождение героя из камня (1) – Сырдону и Батразу, нахождение и укрощение богатырского коня (2) – Батразу, Амзару, Крым-Султану, добывание огня (4) – Урызмагу. Таким образом, с уверенностью можно предположить, что версионные различия, слабая разработка или отсутствие некоторых стержневых сюжетов цикла сказаний о Сасрыкуа/Сослане в осетинской версии нартского эпоса свидетельствуют о формировании этих сказаний в праабхазо-адыгской среде (за исключением сюжета о посещении подземного мира).

Приведенные в указателе абхазо-осетинские сюжетные параллели говорят о том, что в период абхазо-аланского соседства две эпические традиции взаимно обогащались образами, сюжетами и мотивами. Осетинская традиция могла усвоить из абхазской основные сказания о Сасрыкуа (чудесное рождение героя из камня, добывание огня и т.п.). Абхазская же традиция восприняла из осетинской другие нартские сказания (встреча с великаном-всадником, случайное убийство своего сына и т. п.). При этом речь идет не о механическом заимствовании, а именно о взаимообогащении двух архаических культур и, возможно, об общем субстрате.

3. Из абхазских и балкаро-карачаевских нартских сказаний о Сасрыкуа/Сосуруке выявились 9 тематически сходных или близких по содержанию сюжетов (1, 2, 3, 4, 5, 6, 12, 13, 15). Сопоставление вариантов данных сюжетов в двух версиях эпоса показывает, что в плане выражения, фабулы и композиции сходство здесь отнюдь не полное, иногда весьма относительное и отрывочное. Даже те сюжеты, которые сохраняют сравнительно более близкое сходство, содержат немало повествовательных расхождений. Выяснилось, что версионные и вариантные различия сюжетов, мотивов и эпизодов характерны для всех тематически более или менее сходных абхазских и балкаро-карачаевских нартских сказаний. С одной стороны, в абхазо-балкаро-карачаевских нартских параллелях довольно ёмко представлен кавказский субстрат. С другой стороны, видно, что «балкарцы и карачаевцы, придерживаясь своих эпических принципов, подвергая даже заимствованные мотивы и образы переосмыслению, реализовали и аккумулялировали в нартских песнях и сказаниях многие религиозно-мифологические об-

разы и представления, которые принесли из тюрко-монгольского мира» [37, 50].

Следует отметить, что в абхазской версии нартского эпоса все выделенные сюжеты принадлежат именно циклу сказаний о Сасрыкуа, за исключением сюжета об освещении пути героя (12), некоторые варианты которого могут быть связаны и с другими персонажами. Но, в отличие от абхазского эпоса, в балкаро-карачаевской версии не все эти сюжеты посвящены Сосуруку. В частности, ряд вариантов или версий сюжетов о чудесном рождении героя из камня (1), о добывании огня (4), о встрече со слепым великаном-мертвецом (5), о посещении подземного мира (6) в несколько другой форме изложения связывается с другими эпическими персонажами. А сюжеты о нахождении и укрощении богатырского коня (2), об изготовлении меча из необычного железа (3) и о поминках по герою (15) вовсе не относятся к циклу Сосурука. Лишь два сюжета – об освещении пути героя (12) и о гибели героя (13) – прочно связаны с образом Сосурука.

Таким образом, сюжеты абхазского нартского эпоса, принадлежащие его основному герою – Сасрыкуа, в балкаро-карачаевской версии встречаются не только в цикле Сосурука, но и в сказаниях об Ёрюзмеке, Рачыкау, Ачемеze и др. И такое непостоянство персонажа в балкаро-карачаевских нартских сказаниях, такое несходство в сходном свидетельствует как о самобытности, так и о взаимовлияниях глубоких эпических традиций народов Кавказа, относящихся к одной фольклорной культуре. Сюжетно-мотивные совпадения между абхазскими и балкаро-карачаевскими нартскими сказаниями объясняются, как писал Ш. Д. Инал-ипа, может быть и «результатом длительного процесса взаимной этнической инфильтрации между этими народами» [5, 50].

4. В абхазских и чечено-ингушских нартских сказаниях о Сасрыкуа/Соска Солсе тематические соответствия более эпизодичны и отрывочны, чем в других версиях эпоса. Однако заметное сходство находят следующие 5 сюжетных единиц: чудесное рождение героя из камня (1), встреча со слепым великаном-мертвецом (5), встреча с великаном-пахарем (7), оживление жены/суженой (11), гибель героя (13). Некоторые из этих сказаний имеют ска-

зочно-мифологическую подоснову. Они встречаются как в эпическом, так и в сказочном репертуаре абхазов, ингушей и чеченцев. Следует отметить, что относительное сходство сопоставленных текстов обусловлено, прежде всего, тем, что и в абхазских, и в чечено-ингушских нартских сказаниях центральной фигурой является один и тот же персонаж – Сасрыкуа/Соска Солса, хотя в последних не все выделенные сюжеты связаны с этим образом (ср.: 7, 11, 13).

Примечания

1. Мелетинский Е. М. Примерный указатель сюжетов нартского эпоса (по русским источникам) // Нартский эпос: Материалы совещания 19-20 октября 1956 г. Орджоникидзе, 1957.
2. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М., 2004.
3. Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М.-Нальчик, 1969.
4. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М., 1986.
5. Инал-Ипа Ш. Д. Исторические корни древней культурной общности кавказских народов (Опыт сравнительного изучения нартского эпоса)//Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
6. Гаглойти Ю. С. Абхазо-осетинские нартские параллели// Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. XVI. Цхинвали, 1969.
7. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии нартского эпоса. Цхинвали, 1977.
8. Гаглойти Ю. С. Осетино-абхазские нартские параллели// Проблемы осетинского нартского эпоса (Сборник статей). Владикавказ, 2000.
9. Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. М., 1972.
10. Базыров А. Х. Указатель циклов и сюжетов осетинских нартских сказаний и песен//Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института. Вып. 7. Цхинвали, 1974.

11. *Холаев А. З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Нальчик, 1974.
12. *Салакая Ш. Х.* Абхазский нартский эпос. Тбилиси, 1976.
13. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М., 1977.
14. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты. М., 1990.
15. *Аниба А. А.* Абхазский фольклор и действительность. Тбилиси, 1982.
16. *Ардзинба В. Г.* Нартский сюжет о рождении героя из камня // Древняя Анатолия. М., 1985.
17. *Дзиццойты Ю. А.* Нарты и их соседи: географические и этнические названия в нартском эпосе. Владикавказ, 1992.
18. *Ханаева З. К.* Сослан (Созырыко – Сосруко) в осетинских и адыгских нартских сказаниях // Вопросы осетинской литературы и фольклора. Владикавказ, 1993.
19. *Гадагатль А. М.* Память нации: генезис эпоса «Нарты». Майкоп, 1997.
20. *Петросян А. А.* Решенные и нерешенные вопросы нартосведения // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М., 1969.
21. *Джапуа З. Д.* Систематизация текстов абхазского нартского эпоса // Фольклор: Проблемы тезауруса. М., 1994.
22. *Джапуа З. Д.* Нартский эпос абхазов: Сюжетно-тематическая и поэтико-стилевая система. Сухум, 1995.
23. *Джапуа З. Д.* Сходные сюжетно-тематические единицы в абхазо-адыгских нартских сказаниях (Опыт составления Указателя) // Абхазоведение: Язык. Фольклор. Литература. Вып. 1. Сухум, 2000.
24. *Джапуа З. Д.* Абхазские и осетинские нартские сказания о Сасрыкуа/Сослане/Созырыко (Опыт сравнительного Указателя) // Кавказоведение: опыт исследований: Материалы Международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.). Владикавказ, 2006.
25. *Джапуа З. Д.* Сюжетные параллели абхазских и балкарско-карачаевских нартских сказаний о Сасрыкуа/Сосуруке (Опыт сравнительного Указателя) // Caucasus philologia. №1. Пятигорск, 2006.
26. *Джапуа З. Д.* Абхазские и чечено-ингушские нартские ска-

зания о Сасрыкуа/Соска Солсе (Опыт сравнительного Указателя сюжетов)//Кавказская цивилизация: Историко-культурное наследие народов Юга России. Сборник материалов круглого стола. Магас, 2009.

27. Нарты: Абхазский героический эпос в семи томах/Под редакцией З.Д. Джапуа (рукопись).

28. Нарты: Абазинский народный эпос/Сост., пер. и коммент. В. Меремкулова. Черкесск, 1974.

29. Нарты: Адыгский героический эпос/Сост. А. И. Алиевой, А.М. Гадагатля, З.П. Кардангушева; вступ. ст. А.Т. Шортанова; пер. А.И. Алиевой; коммент. А.И. Алиевой и З.П. Кардангушева. М., 1974.

30. Нарты: Осетинский героический эпос. Кн.2/Сост. Т. А. Хамицаевой и А.Х. Бязырова; вступ. ст. В.И. Абаева; пер. А.А. Дзантиева и Т.А. Хамицаевой; коммент. и глоссарий Т.А. Хамицаевой. М., 1989.

31. Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев/Сост. Р. А.-К. Ортабаевой, Т.М. Хаджиевой и А.З. Холаева; вступ. ст., коммент. и глоссарий Т.М. Хаджиевой; пер. Т.М. Хаджиевой и Р. А.=К. Ортабаевой. М., 1994.

32. Антология ингушского фольклора. Т.4: Нартские сказания, легенды/Сост., пер., коммент. и послеслов. И.А. Дахкильгова. Нальчик, 2006.

33. Анчабадзе З.В. Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976.

34. *Инал-Ипа Ш.Д.* Вопросы этно-культурной истории абхазов. Сухуми, 1976.

35. История Абхазии: Учебное пособие. Сухум, 1991.

36. *Шакрыл К.С.* Труды: Статьи и очерки по вопросам абхазского языка и фольклора. Сухуми, 1985.

37. *Хаджиева Т.М.* Нартский эпос балкарцев и карачаевцев// Нарты: Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994.